

III.

Извѣстно, что въ молодости Толстой дошелъ даже до мысли о самоубійствѣ. До того неразрѣшимой казалась ему загадка человѣческаго бытія.

Къ эпохѣ перелома у Толстого какъ нельзя болѣе примѣнимо евангельское изреченіе: „Не оживешь, аще не умрешь“. Толстой внѣшнихъ формъ, Толстой—графъ, дворянинъ, помѣщикъ, рабовладѣлецъ, офицеръ, игрокъ, кутила—постепенно умиралъ.

Толстой—человѣкъ—сталъ возрождаться и началъ дѣлать свою осмысленную жизнь.

Предварительно онъ проанализировалъ съ глубочайшей искренностью и свойственнымъ русскому характеру самобичеваніемъ всѣ эти формы паразитнаго существованія, въ произведеніяхъ, начиная съ „Дѣтства“, „Отрочества“, „Юности“, „Утра помѣщика“, „Казаконъ“, „Семейнаго счастья“, „Войны и мира“, „Анны Карениной“. Болѣе того: пережилъ эти формы. И свои художественныя, писательскія переживанія обозвалъ впоследствии пустяками, чѣмъ-то ненужнымъ.

Г. г. нѣкоторымъ критикамъ кажется, что у Толстого наступилъ разладъ художника и мыслителя. И художникъ былъ-де принесенъ въ жертву мыслителю. По сему горестному поводу они писали Толстому братскія увѣщеванія, въ родѣ тѣхъ, что предлагались отъ Петрову, по порученію Правительствующаго Синода, когда Петровъ задумалъ скинуть ясу. Погибъ художникъ! Не беритесь, графъ, не за свое дѣло! Не темните блестящаго имени, не скидайте тоги художника! А человѣкъ съ широкими плечами, въ рубахѣ и портахъ, продолжалъ сосредоточенно и непреклонно идти впередъ: дѣлать свою жизнь. И ~~осознать~~ ~~жизни~~ инстинктивно начинаетъ вытѣкаться